

Рисунок Настасьи Поповой

Д а, кстати, — сказала Рая, когда я увлеченно размазывал масло по тосту. — Я тебя сегодня не везу.

Мой нож словно прилип, и я взглянул на нее кроличьими глазами, в которых отражалось дуло двустволки.

Безддушный растяпа! Она ведь только вчера — с операции на глаза. Никакого руля, пока не придет в норму. До чего же смурное, до чего пасмурное утро!

— Как же мне теперь быть? — воскликнул я с напускным трагизмом. — Что же мне теперь делать?

— Примерно то же, — начала Рая, хрумкая яблоком и не отводя травмированного взгляда от альбома с крупными геометрическими фигурами. — Что и двенадцати миллионам жителей столичного города Москвы: воспользоваться метрополитеном.

— Каким-каким политеном?

— Ну или права купить...

— Но как? Как я туда ступлю?!

— Хотя это и не совсем законно...

— Ах, ей смешно! На что она меня обрекает!

Там же серпы с молотами до сих пор висят!

— Впрочем, что тебе права? Ты и водить-то не умеешь.

Водить я действительно не умел. Насмотревшись происшествий, наслушавшись историй знакомых автомобилистов, понял, что вольюсь в их ряды только после эмиграции в Швейцарию — то есть не вольюсь никогда, — а потому и усилий не

прилагал. Не учил, не учился, не сдавал, не сдавался.

Когда два года назад в мою жизнь вошла Рая и мы после недолгих раздумий зажили вместе, мне стало неудобно из-за того, что машина, блестящая красная тойота-универсал, — ее, водит — она. Однако я быстро успокоил себя тем, что я, как в документах указано, — *ответственный квартиросъемщик*, бензин и прочие сопряженные с четырехколесным монстром расходы — тоже на мне, и Рая без видимых трудностей подвозила меня на работу. Краем ума я продолжал исправлять упущение, как-то раз даже нашел в поисковике адрес ближайшей автошколы; на большее меня не хватило. Веских причин что-либо менять не появлялось, а Рая — надо отдать ей должное — не протестовала и никогда не поднимала тему моего водительского беспорядка. До того утра, смурного и пасмурного.

— Да, я не умею водить, и у меня нет права водить, и с клятым политеном у меня связана детская травма, и ты, когда я у тебя последний раз узнавал, говорила, что любишь меня. Что ты намерена предпринять по этому поводу?

— Чаю заварить надо бы.

Я наигранно — но в чем-то все-таки очень искренне, от души, — простонал и схватился за лицо.

— Тебе какой, эрл-грей или этот, зеленый?

— Рая, Раечка, Восток мой, Запад, Юг и Север! Знаю, я не совсем прав, и у меня вот прямо сейчас разморозилась замороженная проблема, но неужели мне туда?

— Угу.

— Нет, я все понимаю, но — метро? Да я его года два не видел!

— Теперь у тебя есть отличный повод, — подчеркнуто равнодушно сказала она и перелистнула страницу.

— Может, хотя бы такси?..

— Нет.

Экономная, экономная Рая!

— Ну хотя бы сегодня. Снова нет?..

— Нет.

Она улыбнулась, но я знал, что поблажек не предвидится.

— Я потом получу права, обещаю! — выложил я последний козырь.

— Это теперь не на день, так что привыкай. Шаг-гай через травму детства.

Оторвавшись от правильных и неправильных многоугольников, Рая села рядом, обняла меня, не выпустив из рук альбом и надкусанное яблоко, и добавила:

— Я люблю тебя. Все будет хорошо. Сколько я тебя знаю, у тебя всегда все только хорошо.

Это было правдой: за два наших общих года никто из моих родственников, друзей или близких не умер, не заболел и не попал в серьезную передрягу, а самому мне портили настроение только мелкие неприятности на работе, являющиеся нормой любой, даже самой гладкой и безмятежной жизни. Слова Раи подействовали, и я видел себя по крайней мере одевающимся и выходящим к метро.

— Ну? — спросила она, продолжая успокаивающе виснуть на мне. — Хочешь сказать что-нибудь умное?

— Да, — я словно воспрянул духом. — Эрл-грей, пожалуйста.

Рая нахмурила брови, улыбнулась, ласково шлепнула меня по макушке раскрытым альбомом — и с матовых страниц на нас, таких утренних и готовых чаевничать, градом посыпались окружности и треугольники, ромбы и квадраты, дельтоиды и трапеции.

* * *

Он стоял между поручнями и не держался, хотя мог бы — долговязый мужик с высушенным лицом и руками, сгорбленным носом и глазами, которые скорее вылезут из орбит, чем моргнут. Изношенный кожаный плащ, такая же кожаная шляпа с широкими полями, черные остроносые туфли; если бы по одежде можно было судить о профессии ее обладателя, этот мог бы оказаться

охотником НКВД, охотником на вампиров, гробовщиком — или всеми понемногу. Такой колоритный персонаж нашелся в первом же вагоне, трясущемся и скупо освещенном. Я сжался позади него — выбора у меня не было — и всячески пытался не смотреть на стекло дверей, чтобы не видеть его ломаного отражения. Взгляд упирался то в пухлую тетку, сидевшую в обнимку с огромным тюком постельного белья, то в ботаника, который перед выходом из дома нацепил весь свой изъеденный молью гардероб. Всегда знаешь, что эти особые, только в метро встречающиеся люди — на самом деле абсолютно такие же, как ты, и едут куда-нибудь по своим будничным делам, но как не ждать от них угрожающих действий, жестов, намеков?

Кожаный истукан вышел через пару остановок, и я бездумно шагнул за ним.

Стоило дверям захлопнуться, как я понял, что поспешил. Зайдя в вагон следующего поезда, тут же порадовался, что в нем не так тесно, однако голос, объявлявший станцию, оставил от радости пустое место: я ехал не туда.

Голоса в метро — почти то же самое, что пресловутый почерк врачей, но я, скорее всего, действительно промахнулся с выбором пути и потому снова вышел на следующей станции. Спрашивать никого не хотелось. Я направился к столбу со схемой, и загорелая девчонка в черном, оккупированном томатно-красными скорпионами платье, с которой мы смогли разминуться лишь с пятой попытки, пронзила меня таким хищным взглядом (квадратные, квадратные глаза!), будто я станцевал джигу прямо у нее на ногах. Чудом протолкнувшись к терминалу, я выяснил, что мне было бы разумнее перейти на другую ветку. На той самой ветке я узнал, что ничего здорового в этом решении не было: опять я двигался навстречу неизвестности, а не работе!

Я брел по одному переходу столько, сколько суммарно не прошел в метро пешком за всю жизнь, удивлялся юной скрипачке, неожиданно пилившей тему «Игры престолов», а не какого-нибудь «Бандитского Петербурга», и замечал, что людей вокруг становится все меньше, и меньше, и меньше, — пока я вдруг не остался один. Сверился с указателями и схемой — по всему выходило, что я вновь не там, где хотелось быть. Схема подсказывала, что меня дожидается переход, и не простой, а длинный. Я попробовал не согласиться. Схема настаивала на своем. Я попросил представить альтернативу. Схема была непреклонна. Я послал все к черту. Схему сотряс смех.

Смирившись, я отправился на штурм очередного перехода. Он казался бесконечным; на его

фоне предыдущий выглядел тропкой в палисаднике. Совсем скоро меня начали раздражать звуки собственных шагов — одинокие, но гулко раздающиеся по всей площади этой издевательски извивающейся громадины. Я встал как вкопанный, в ту же секунду, как услышал далекое постороннее шуршание.

Люди. Больше одного. Где-то там.

Я обернулся и приготовился, наконец, спросить кого-то, для кого метро было такой же привычной вещью, как водопроводный кран, дверная ручка, помойное ведро.

Голоса приближались, и вскоре стало ясно, что их обладатели предпочитают русскому языку иной, мне неизвестный. Из-за удручающе светлой мраморной стены показалась веселая компания таджиков, наряженных в синюю униформу с оранжевыми жилетами. Все, кроме одного, самого низкорослого, — в касках, под стать жилетам. Ребята пели песни, ребята смеялись, ребята точно знали, как, куда и зачем шли, — и ребят ни капли не озадачил мой крайне растерянный вид. Оранжевые каски невозмутимо обогнули меня с обеих сторон, и мне пришлось их окликнуть. Реакции не последовало. Попробовал еще раз — еще раз оценил качество касок.

Я не думал сдаваться — нет-нет, только не после всех мучений, — догнал их и раскинул перед ними руки, преграждая дорогу. Мигранты затихли, замерли и недоуменно вытаращились.

— Дорогие гости столицы! — Я старался пожевлее. — Подскажите местному: как отсюда к «Полянке» выбраться?

Недоумение цвело на их смуглых физиономиях пышным цветом.

— «Полянка!» — пытался достучаться я, делая непонятные самому себе жесты. — Серая ветка! Ветка! Серая! Как вот эта стенка, но потемнее. Как бы мне туда — отсюда? А?

Дюжина пар прищуренных глаз, и во всех — катастрофическое непонимание. Пустота. Одно сообщение: дальше можно не пытаться. Как говорит мой знакомый лингвист, межкультурная коммуникация провалилась.

Я глубоко вздохнул, опустил руки и уставился на гранитный пол, а таджики, проявив ответную вежливость, немного постояли, да и пошли себе дальше. Я взглянул на часы. Они утверждали, что в дороге я провожу гораздо больше времени, чем предсказывал мне выстроенный на интернет-карте маршрут, однако я настолько неудачно продумал свой путь, что в запасе у меня оказывалось еще минут сорок. Пока я умилялся глупости, которая сама себя уравнивает, за спиной послы-

шались редкие, робкие шаги. Это был тот коренастый таджик, которому не досталось каски.

— А... Ты чего... Стоишь-то, а? — говорил он с трудом, мучительно выбирая слова, как у доски на первых уроках русского. — Шел бы прямо.

Я посмотрел ему в лицо. Он не шутил, казался трезвым.

— Больше все равно некуда, — многозначительно добавил он, взорвался нездоровым смешком и кинулся догонять бригаду бегом городского сумасшедшего.

Я пошел прямо.

Вокруг по-прежнему было безлюдно, и это не укладывалось в голове. Все уже доехали на работу? Никому никуда не надо? Уникальный день: сто процентов москвичей и москвофилов прибыли на свои места до полудня — или здесь так всегда, просто я годами отшельничал?

Никогда еще я не стоял на ступеньках длинного эскалатора в полнейшем — и где, хотелось бы знать, дежурные бабули, почему пустуют будки? — одиночестве. Светящиеся шары фонарей проплывали мимо на волнах мелодии «Берегись автомобиля», намекая, что все пользователи московского метрополитена неизбежно добираются до своего пункта назначения, а настенная реклама агрессивно способствовала выбору этого пункта, зазывая посетить православную ярмарку и некий малоизвестный театр, в котором уважаемый литовский режиссер ставит смелый моноспектакль «Саша Пушкин, вампир». Бледное лицо поэта занимало каждый второй щит: с клыков по подбородку стекала кровь, зрачки измельчали; церковное же мероприятие затерялось между «Сашей-вампиром», ромашками и товарами первой необходимости.

Ботинки сердито натирали, ноги предательски подкашивались, а народу кругом, на первый взгляд, не было. Но — только на первый: услышав отзвуки голосов, я зашел за колонны левого пути — и увидел вдалеке, в противоположном конце станции, две темно-синие фигурки в красных шапках-пирожках. Работницы метро — одна потолще и с короткими волосами, вторая потоньше и с длинными, завитыми — стояли, оперевшись на мраморную изгородь, скрывающую от посторонних глаз вход в служебное помещение, и самозабвенно болтали, не стесняясь никакого видеонаблюдения. Меня опьянила надежда: наконец — люди в форме, наконец — те, кто точно объяснит, не оставит дураком. Я шагал — уверенно, наплевав на мозоли, нарочно отбивая крепким итальянским каблуком по граниту, чтобы меня услышали — чтобы меня *точно* услышали. Не

хотел кричать им издали, но, как вскоре выяснилось, напрасно: когда мне оставалось до них метров двадцать, они все обсудили — и та, что потолще, мгновенно нырнула в служебное помещение, закрыв за собой массивную железную дверь, а вторая, с длинными завитушками, оказалась владелицей роликов — и, сверкая погонями, резво рванула к переходу, в котором немедленно и скрылась. Все это произошло так быстро, что я едва успел раскрыть рот. Я не мог поверить своим глазам, зато охотно поверил ушам, когда раздались стук колес по рельсам. Добежав до схемы, висящей на противоположной стенке, я едва успел свериться с ней, но на тот момент мне показалось, что путь был мой — и я поспешил загрузиться в поезд, вновь совершенно пустой.

Помню, уже тогда меня почти перестало удивлять отсутствие людей на станциях. Остановка за остановкой — чистые платформы, ни для кого висящие лампы и схемы, лавки, стоящие в свое удовольствие. В одном из тоннелей я услышал громкий голос, которым обычно мерзко объясняют, что посадки на подползающий состав — нет, но говорил он нечто невнятное, загробное и невесть кому адресованное. Может быть, женщина призывала прятаться, ни в коем случае не показываться на улице? «Неужели началась война, а я все проспал?» — мелькнула нелепая мысль.

Когда настал черед пересаживаться, я вышел и увидел близ противоположного пути человека, но не появилось у меня вместе с тем ни надежды, ни желания что-либо спрашивать. То была девушка лет двадцати, с маленьким рюкзаком за спиной, в куртке канареечной расцветки, с синева-рыжими волосами до плеч и в очках, которые я, находясь сбоку, не мог как следует рассмотреть, но даже с неудобного ракурса в них виделось что-то противоестественное; не снимая очков, она прилипла взглядом к экрану планшета. Деталью же, которая не позволила мне обратиться к незнакомке, явился большой латунный болт с шестигранной шляпкой, проходивший через мочку уха на манер серьги. Можно пытаться меня раскаленным утюгом или паяльником, но я не смогу дать вразумительного ответа на вопрос, какого черта я придал этому дурацкому болту такое значение, или, как сказал бы знакомый студент психфака, на каком основании счел его материальным выражением вселенской враждебности.

Меньше всего на свете я желал находиться с ней в одном закрытом пространстве, но не хотелось и показывать, что ее экстравагантная внешность способна заставить меня сбежать, поэтому я прошел несколько метров и встал у двери со-

седнего вагона прилетевшей «Красной стрелы». Поезд тронулся; я уговаривал себя не смотреть в сторону вагона девушку с болтом в ухе, но боковым зрением все-таки зацепил его — и, невольно повернувшись, увидел одну из самых неприятных картин в своей жизни: девушка прильнула к крайнему стеклу, оперевшись на него обеими ладонями в перчатках с обрезанными пальцами, и сканировала меня хмурыми глазами, нарисованными белой эмалью на широких стеклышках темных очков. Попробовав объяснить себе, что в происходящем нет ничего экстраординарного, я шагнул к ней. Непонятное создание словно вышло из анабиоза, сняло рюкзак, вытащило из него планшет и принялось щекотать дисплей. Через несколько секунд она показала мне плод своих трудов: «Пил сегодня?» — гласила надпись, набранная бог знает каким крупным кеглем. Я скорчил гримасу, фотографию которой можно вклеить в толковый словарь напротив слова «непонимание», и огляделся по сторонам, хотя прекрасно знал, что рядом — никого, что вопрос адресован мне. В ответ на мою мимику она ткнула пальцем в сообщение. «Алкоголь?..» — подумал я. Словно комментируя мою мысль, она утвердительно кивнула. Я сглотнул давно застрявший в горле комок, смахнул со лба капельки пота и покачал головой. Последовал второй сеанс щекотки планшета.

«Не пей».

Что это — прогрессивная инициатива московских властей, акция «Трезвый метрополитен»? Борьба с пьянством при помощи устрашения? Оригинальная шутка? Психическое заболевание?

Не желая разбираться, я обрадовался остановке поезда и, нащупывая путь, преждевременно вышел, гадая, как вести себя дальше, когда кошмарное канареечное создание двинется убивать во мне потенциального алкоголика — или даже — я не исключал и такого — убивать во мне всего меня.

Но оно куда не двинулось.

Девушка с болтом в ухе и нарисованными глазами прилипла к другому, выходящему на платформу окну, чуть склонив голову набок, и все так же тарасилась, осуждая мои чувства и мысли, прошлое и будущее. Голос объявил следующую станцию, и поезд понес это чучело дальше, но его inferнальный черно-белый взгляд оставался на мне и со мной.

Дослушав металлический вой исчезнувшей «Стрелы» — судя по тому, что я позже вычитал на сайте энтузиастов метро, по той ветке она никогда не ходила и ходить не могла, — я свалился на ближайшую скамейку. Хотелось есть, хотелось пить,

хотелось лежать, работать, снова лежать. Хотелось домой.

Хотелось к Рае.

Невидимый повелитель метрополитена вновь подал мне персональный рельсовый транспорт, и я, успевший окончательно принять отсутствие людей за норму, пересел с досок на коричневую обивку. Кренясь, поезд летел по метромосту, а я откинулся на спинку и глазел то на серую пелену московского неба, то на часы. С семнадцатым — я считал! — взглядом на мобильник я осознал два малоприятных момента. Во-первых, иконка, известная об отсутствии сигнала, поставила крест на перспективе позвонить Рае. Во-вторых, я начинал подозревать, что следующей станцией окажется как минимум вокзал Северной Пальмиры. Короткое сообщение для Раи, скудно отражавшее горькую комичность ситуации — «Не поверишь, я все еще в политике. Мне тут нравится!», — с почти слышимым грохотом разбилось о сопутствующую надпись «Отправка», никак не желавшую трансформироваться в дату совершенного действия. Еще немного повертев мобильник, тщетно пытаюсь добиться от него связи, я сделал то, чего никогда не думал делать — лег на сиденье, вытянув ноги.

Когда мой личный поезд-призрак начал тормозить, проплывая мимо шумозащитных заград, я вскочил как ошпаренный. Выходить или ехать дальше — такого вопроса не стояло; довольно, накатался, баста. Я перешагнул через зазор и не двигался с места, поезд погнался дальше. Треклятая пиктограмма никуда не девалась.

Картина маслом: платформа под открытым небом, все таким же серым, словно двухнедельная пыль. Ветер. Сильный ветер. Сильный, срывающий с костей мясо ветер. Пойти некуда, спуститься негде. Кругом — баракло, принадлежавшее, очевидно, тем, кто пытался сделать из этого необитаемого островка нечто пригодное для обитания. Позади платформы — уродливый бетонный забор, за который сколько ни гляди, все царствие сонное, Москва в миниатюре: кладбище автобусов, проржавевшие ангары, котельные, которые тянутся к несуществующему солнцу трубами, раскрашенными в цвета польского флага, и пятеро кранов, до смерти уставших соревноваться в строительстве офисных коробок. Ничего живого. Никого живого. Не знаю, куда именно доехали те миллионы москвичей и им сочувствующих, которые, по всем правилам жизни, должны были не давать мне проходу в метро; туда занесло меня одного.

Я запахнул плащ, подпоясался, подогнул воротник, сунул руки в карманы, отругал себя за

оставленный дома шарф и стал прогуливаться по платформе, надеясь на скорое появление нового поезда-призрака. Не успел я разок пройтись туда-сюда, как внимание мое привлекла верхушка одного деревца, росшего прямо у края. Судя по тому, как ветки трясло из стороны в сторону, это было дело не только ветра, который назойливо свистел в ушах. Через несколько шагов моему взору открылось зрелище поистине изумительное: снизу, рядом с остановкой, в паре метров от рельсов, стояла закутанная в пледы женщина — и грабила, старательно грабила дерево, собирала с него сливы в грязное железное ведро. Я сжимал обеими руками кончики воротника на груди, чтобы ветер не так сильно дул в шею, и не мог, просто не мог налюбоваться. Женщина в разноцветном тряпье, сапогах и платке, рельсы со шпалами, слива, ведро, выцветший московский промпейзаж... Отродясь не жалел об отсутствии тех или иных талантов, однако чего бы я только не отдал, чтобы в тот момент у меня внезапно нашлись краски, холст, кисть и умение отображать реальность при помощи всех этих штук!..

Я опомнился и поймал себя на том, что надо бы спросить ее, как и куда отсюда можно выбраться, но произнес отчего-то совсем другое:

— Ловко же вы тут устроились! — выпалил я не без некоторой неожиданности для себя самого. — Ни дать ни взять — как на даче. Загляденье!

Женщина в лохмотьях медленно, механически, только что без скрипа прервала свою работу и опустила руки — именно так в американских боевиках застывает коварный террорист, когда дверь за его спиной вышибает отряд спецназа. Столь же медленно и механически, будто шея ее держалась на шарнирах, она перевела взгляд на меня, и то глубинное, непонятное беспокойство, которое внушило мне ее лицо, я могу сравнить лишь с эстетическим наслаждением, пережитым минутой ранее. Нет, это лицо нельзя было назвать уродливым или изуродованным: глаза, нос, губы — все на месте, в целостности и нетронутости, а кожа, пусть и не самого здорового оттенка, — без отметин и признаков болезни. Оно обладало свойством масок — только, без всяких вариантов, без малейших сомнений, маской не являлось — по нему невозможно было предположить возраста. Совсем. Хотя приблизительно, хоть отдаленно. Такое лицо нельзя описать, потому что его невозможно представить. Этой женщине могло быть тридцать пять, шестьдесят семь, девяносто девять — всякая догадка одинаково плоха и хороша. После встречи с ней удивить меня сумеет разве что говорящий эмбрион.

Надо признать, к диалогу с обладательницей такого лица я готов не был, хотя реакция ее оказалась мягка:

— Да, да... Что делать... И здесь растут сливы...

Голос ровный и немного меланхоличный, но достаточно громкий, чтобы его не заглушил ветер.

— Но почему тут? — зачем-то не унимался я. — Здесь же и неудобно, и железная дорога рядом, и...

— Что значит почему? — В ее речи проступили отзвуки *каких-то* эмоций, но каких именно — этого мне не считать никогда. — Ты сам-то подумай: кто же еще тут сливу вырастит?

Действительно: кто?

— Кто соберет?..

Ноль сомнений: слива, произрастающая в таком месте, — обычное дело. *Ноль*.

Приняв вид человека, который знает, где он и куда ему надо, я вежливо извинился, развернулся и побрел в другой конец платформы, осматривая хлам. Хотелось сесть, пускай неумный ветер к тому и не располагал. Когда мне опять послышались голоса, я сначала усомнился в собственной вменяемости, но тут же остыл, увидев грозную круглую тумбу, возвышавшуюся среди бетонных блоков, железных балок и ящиков с бог весть чем. На ней стояли и беседовали два радиоприемника, «Этюд» и «Сатурн», серые, как небо, и советские, как промпейзаж. На двоих им — лет восемьдесят. Болтовня из обоих динамиков, мешаясь с помехами, наслаивалась на саму себя, сама же себя и поглощала. Приемники, такие участники общественно-политических ток-шоу с центральных каналов, нагло перебивали и забалтывали друг друга; казалось, вот-вот они устроят дуэль на антеннах. К счастью, не получилось разобрать ни слова этой тарабарщины.

Между ними, аккуратно под точкой пересечения металлических усиков, лежала монета. С виду — обычные советские пять копеек, но стоит приглядеться, и замечаешь подозрительные особенности: никаких на ней букв, одни цифры да символы. Колоски на аверсе, герб на реверсе. Обжигает руку холодом, как мастерски изготовленный кубик сухого льда. Неоправданно тяжелая, ожидаемо потеряя. Красивая, славная монета.

Крохотная фигурка женщины неизвестных лет ковыляла вдоль железного пути, прочь от станции, таща за собой переполненное добычей ведро, оставляя пурпурный сливовый след. «Этюд» бранился с «Сатурном», ветер по-прежнему свистел, изображал арбитра и жонглировал пакетами из-под чипсов и семечек, мобильник надрывался, отправляя Рае мои пятьдесят два знака с пробелами. Миллионы москвичей обитали в параллельном мире.

Стоило убрать монету в карман, как мне испослали еще один поезд — лучший поезд в моей жизни, *поезд оттуда*. Я вышел на следующей же станции и посеял в переход, где и увидел паренька в широких штанах, наушниках и со скейтбордом. На меня что-то нашло, я сломя голову кинулся к нему и, готовясь выпытывать ответ, схватил его за руку. Опомнившись, когда он посмотрел на меня дикими глазами и приготовился врезать доской, я жестом — каким? не упомянуть сейчас — дал понять, что хочу просто задать вопрос. Он, не моргая, стянул наушники. Боюсь представить, с каким видом я истерил:

— Что происходит? Почему кругом так пусто? Где все люди? Как мне попасть на «Полянку»?

Засунь я в рот лампочку, парень удивился бы меньше.

— Там, — показал он на поворот и, не дождавшись реакции, добавил: — Люди, «Полянка» — там. Одну или, не помню, две остановки проедете — будет «Полянка».

До моего пораженного мозга дошел сигнал, я нервно извинился перед парнем, поблагодарил его — и заставил себя шагать дальше.

Меня вынесло в толпу, поток людей. Занятых, равнодушных, местных, приезжих, нормальных людей. Я мог идти быстрее, но лень не разрешала огигать ряды тех, кто — как сказал бы знакомый биолог — скептически оценивал существование человеческих особей, способных к более скоростному прямохождению.

Впервые в жизни я был искренне рад, когда меня буквально затолкали в вагон и сжали со всех сторон, едва позволив ухватиться за поручень. Наконец-то я не один и я знаю, куда еду, и я знаю, что приеду, — потому что то же самое про себя знают все, кто уместился в эту длинную железную колбасу. Холод монеты сполна ощущался прямо через ткань плаща, брюк, трусов.

Парень со скейтом, спасибо ему, не обманул: официальный метроголос анонсировал «Полянку». Выйдя, я сразу узнал ее по двум молодым семьям — птичьей и условно-человеческой — на грубоватом красно-синем фоне. Те несколько раз, что я там был, скульптура успешно искривляла мое лицо; тогда же я был готов кинуться каменным молодоженом в объятия, плача от счастья.

Когда в поле моего зрения показались заветные двери, я стал щуриться, потому что не сразу поверил увиденному: «Выхода нет». Протер глаза — все равно «Выхода нет». Не поленился достать и надеть очки — по-прежнему «Выхода нет». «Возможно, все-таки Пальмира?.. Всамделишная «Ирония судьбы» про метро?» — думал

я, одновременно удивляясь, что у меня остались силы иронизировать. «Нет, нет, нет, нет...» — забормотал я под нос, как умалишенный, и наконец покинул опротивевшее подземелье...

...только для того, чтобы встретиться взглядом с «Сашей-вампиром», который многозначительно подмигивал с щита на тротуаре. То же название, то же лицо, тот же режиссер! Я видел десять или пятнадцать реклам «Саши», стоя на эскалаторе, и готов был поклониться, что он канонически смотрел в оба, но... Зазвонил мобильник, мгновенно напомиравший о себе, Рае и целом мире:

— Арт! Будь добр, набери в грудь воздуха, сколько тебе надо, и растолкуй, бога ради, о чем именно ты говорил, когда говорил о том, что ты до сих пор в метро и тебе там нравится?..

* * *

Извините за опоздание. — Рыжеволосый ученик нарушил классную тишину, войдя и забыв придержать за собой хлипкую, но высокую деревянную дверь, из-за чего та оглушительно хлопнула.

С рыжими у меня отношения традиционно не очень-то складываются, но никуда не денешься — работа.

— Ты откуда? — с ходу выпалил я.

— Оттуда, — указал на дверь рыжий, пожав плечами.

— Ну надо же, — я изумился, взяв монету по стеклянному покрытию стола. — Хотя б ответил, откуда пришел. А то обычно спросишь, вы даже этого не можете — чего там про формулы с законами говорить!

Рыжий, казалось, был невероятно доволен собой.

— Как фамилия?

— Палтусов.

— О! Поликарпов решает у доски, Палтусов опоздал... Даже интересно, что тут еще за фамилии. — Я попытался, в меру сил, разбавить атмосферу уныния, царившую в классе все то время, что несчастный Поликарпов мучил задачу. — Пройди, садись.

Класс в тот день был не мой: старший коллега, Корнев, отправился на очередную конференцию, меня попросили подменить. Терпеть не могу это дело. Тогда, впрочем, отъезд Корнева был досажен не столько из-за незнакомой группы великовозрастных детей, сколько из-за монеты, — Корнев бы, как пить дать, что-нибудь про нее понял, что-нибудь сказал.

— А как вас зовут? — не унимался рыжий.

— Меня зовут Артур Сергеевич, — процедил я, сжав монету в кулак; по ощущениям — то же самое, что вцепиться в глубоко замороженную хурму. — Поликарпов, перестань терроризировать задачу, она сейчас умрет незавидной смертью. Садись. Палтусов, настал твой звездный час! К доске.

Но Палтусов, к моему невыразимому сожалению, продемонстрировал не высоты человеческого интеллекта, а все те же бездны умственного садизма: ужасы топтания на месте, кошмары хронической неспособности понять, с какой стороны подойти к предмету. В итоге задачу решила какая-то девица с фамилией, не имеющей отношения к морепродуктам и начинающейся не на «п», а Палтусов, которому не дали издеваться над чьим-то головоломным построением, решил заняться мной:

— Артур Сергеевич, можно вопрос?

— Ну, попробуй.

— Вот сейчас этот, как его, коллайдер запустили. Говорят, прорыв. Еще Перельман теорему Фермы доказал...

— Не теорему Ферма, а гипотезу Пуанкаре!

— Так вот, означает ли все это, что «е» больше не равно «эм-цэ-квадрат»?

— А где связь? — удивился я, попутно предположив, что это такая шутка. Но Палтусов выглядел вполне серьезным.

— Ну, должно же что-то измениться, разве нет?.. Иначе какой толк во всех открытиях этих?

— Запомни, Палтусов... — Я хлопнул ладонью с монетой по столу, оставил находку над корневской вырезкой из «Популярной механики», встал и принялся расхаживать вдоль доски. — Пройдут годы и десятилетия, ты женишься, заведешь детей, внуков, умрешь, потомки твои будут так же неважно решать задачи, пока другие возведут еще пять коллайдеров и докажут незнамо сколько гипотез, но «е», Палтусов, «е» так и останется равным «эм-цэ-квадрату», потому что это конст...

Меня прервал звонок. Дети молниеносно раздухарились, заполонив помещение совсем уж невыносимым шумом, а я бросил взгляд на стол, на потрепанный классный журнал, на ледяные пять копеек (которые не пять копеек), на все прочее и необязательное и вдруг понял, что сам-то в сказанное не верю.

* * *

Путь домой — образцовый, хоть рекламу снимай, проезд от точки А до точки Б: казалось, последние два года я преодолевал

этот маршрут каждый день, и преодолевал его играючи, полагаясь на безупречную память ног, с «Киллерз» и «Рэйдиоход» в наушниках. Осмотревшись, я обнаружил, что единственный не загнипозитизирован экраном смартфона или планшета: весь вагон читал ленты соцсетей, играл в зуму и обоглаженных птичек. Где, интересно, люди склонны думать о вечном, если не в общественном транспорте? Получается, только в душе.

Я оставил монету на тумбочке у зеркала при входе, похоронив ее под выгребенными из чужого ящика листовками (непроницаемые стеклопакеты, бронированные двери, чудо-фильтры, превращающие воду из-под крана в боржом) и срочными письмами («Поздравляем! Вы стали счастливым обладателем десяти миллионов рублей! От Вас требуется всего лишь...»). Услышав меня из кухни, откуда тянулся самый приятный на свете аромат — аромат яичной лапши, соевого соуса и нежной жареной говядины, — Рая вышла меня приветствовать. Приятно, черт побери, когда тебя встречают. Последние лет пять этого не хватает особенно остро.

— Как ты, солнце? К врачу ходила? Что сказали? — я обнял ее одной рукой, второй держал плащ.

— Сказали, быстрее восстановлюсь, если упражняться по какой-то хитрой методике. Опять советовали купить альбомы. Много альбомов. Целые альбомы альбомов! Разумеется, надо последние штаны снять, чтобы все их себе позволить. Ладно, ты сними пока только ботинки да плащ, а там посмотрим. Пойдем.

Рая спешила накрыть на стол: хотя она и провела дома почти целый день, она смиренно меня дожидалась, не ела, и проголодалась не меньше моего.

— Я, пожалуй, вина выпью. Будешь со мной? — спросила она, вытянувшись во весь рост к верхней полке, к бару.

— Что за вино?

— Столовое. Сливовое.

— О, — меня осенило. — Нет! Мне в метро попала девушка с болтом в ухе, она сказала не пить. Не буду пить.

— Ах, ну раз *девушка с болтом в ухе* сказала... Да, изложи-ка мне эту жутковатую историю по порядку, нормально, а то по телефону ты сегодня звучал так, словно встретил там всех бывших одноклассников разом.

Отметив, что путешествие мое выдалось не настолько печальным, я рассказал все, умолчав почему-то о монете, — подумал, что надо бы дождаться Корнева, который возвращался со дня на

день. Рая внимательно меня слушала, не задавала вопросов и только резюмировала:

— Что ж, не реалист тот, кто не верит в чудеса.

— Чьи слова?

— Билли Уайлдера.

— Философ?

— Нет, *всего лишь* режиссер. Но — великий. А что, тебя не могут впечатлить слова кого-либо слабее Шопенгауэра?

— Почему же, вполне себе слова... — ответил я, выловив в миске остатки лапши и заставив себя оторвать взгляд от странных серег Раи: чарующих, затгивающих, с камнями, которые мягко переливались из черного в красный и обратно. — Скажи мне, а что это за серьги, откуда они?

— Ну и память у тебя! Ты же мне их и подарил.

— Когда это?

— Так, — Рая положила вилку и, облизываясь, уставилась в потолок. — Сейчас вспомню точно! Это было в Вене. Это было на следующий день после моего дня рождения, потому что ты, растяпа, о нем забыл. К слову, давай-ка проверим, помнишь ли ты сейчас.

— Прекрати, Рай, ты же знаешь, что помню, — стыдливо замялся я.

— Нет уж! Выкладывай!

— Двадцать первое ноября. — Я не без усилия извлек дату из чулана памяти, но виду не подал.

— Умничка! Значит, двадцать второго ноября то и было. Кольмаркт, магазин богемского граната. Удовлетворен, Шерлок?

— Вполне, — кивнул я и глотнул лимонада. — Сейчас в самый раз было бы посмотреть какой-нибудь фильм этого твоего Билли Уайлдера, но у тебя — глаза, а я сонлив, так что все-таки в другой раз. Спасибо, Рай, было очень вкусно. Как и всегда. Пойду-ка я на боковую.

— О'кей, Шерлок, а у меня еще масса дел. Спокойной ночи.

* * *

На следующее утро, столь же смурное и пасмурное, выяснилось, что среди той массы дел у Раи было запланировано одно из самых рискованных, самых опасных, регулярно сеющих раздор, — уборка. С тумбы, той чертовой тумбы, исчезли — в единственном возможном направлении — эти жалкие бумажки, которые я не отправил в мусоропровод благодаря альянсу лени и усталости, а вместе с ними — моя монета, непонятная и потому драгоценная.

— Рая, Раечка, — обратился я к ней, сидя на кухне. Я, не решившись ее будить, дождался,

пока она проснется. — Скажи мне, вот это вот все, что лежало на тумбе в прихожей, кроме ключей, мобильного и документов, я правильно понимаю, оно все?.. — Я указал в сторону мусоропровода.

— Да, — ответила Рая, зевая и потягиваясь. — А что, тебя там подцепила некая реклама?

— Нет, Раечка, там была еще такая, знаешь, монета. Монета. Она еще была очень холодная. — Я смотрел на Раю, Рая смотрела на меня, и где-то между нами бежал незримый носорог недопонимания. — Холодная. Очень. Ты не могла не почувствовать.

— Холодная?.. Там была какая-то монета, но я подумала, что это нечто вроде тех смешных ключей, которые в эти письма про выигранные машины вклеивают, и...

— Но она была холодная! Неестественно холодная!

— Да нет же. Железка как железка. И вид у нее... Мне и в голову не пришло, что она тебе могла быть нужна. А...

— Она была нужна мне, Рая, очень нужна. Впрочем, что теперь...

Рая уподобилась маленькой серой мышке и виновато смотрела на меня все то время, что я уплетал тосты с сыром. Когда я пил чай, она ушла в прихожую, куда-то позвонила, вернулась и сказала, что попросила брата отвезти меня на работу. Я улыбнулся, обнял Раю и погладил ее по спине:

— Раюша, ну что ты... Выкинула — значит выкинула. Зря я ее там оставил, да и все.

— Ты не волнуйся, тебя Сережа сегодня подбросит, и завтра, и послезавтра, наверное, а потом я уже...

— Радость моя. — Я поцеловал ее в лоб и прижался к ней щекой. — Не надо, честное слово. Я и так доберусь. А когда ты будешь в порядке — поучишь меня крутить руль и педали давить, правда же?

Все еще не решаясь взглянуть на меня, Рая улыбнулась:

— Ладно, ты собирайся, собирайся, а то опоздаешь... Сережа скоро подъедет.

Я тоже улыбался, но с внутренним негодованием так и не совладал и потому завязал чертов галстук лишь с третьей попытки. Как она могла ее выкинуть? Как не почувствовала, что из-за холода ее коснуться трудно? Как?.. Спрашивать было бессмысленно.

Когда я выскочил из подъезда, Серега уже подруливал на черной ауди, и ждать никому из нас

не пришлось. Серега был хорош тем же, чем и во все прошлые мои с ним столкновения — суровой, военной, где-то даже колючей неразговорчивостью; качество, особо ценное в то утро, потому что мое угрюмое настроение было непрошибаемым. Почему у нее не возникло сомнений? Какие еще, чтоб тебя, смешные ключи и выигранные машины?.. А я — зачем я ее так оставил, почему не отнесся серьезнее? Может, не был уверен в собственных ощущениях?..

Я попросил Серегу высадить меня у развилки.

— В смысле? Рая сказала мне до школы тебя докинуть.

— Знаешь, я подумал, проедусь еще разок. Настроение такое. Нет, правда, спасибо.

Серега не стал задавать лишних вопросов, пожал плечами и остановил ауди у «зебры». До увенчанного буквой «м» спуска в царство тьмы оставалось всего ничего, но я, поглощенный своей глупой злобой, ухитрился влезть в глубокую лужу, в которой отражалась здоровенная вывеска аптеки. Меня волновала не только монета; или даже не монета вовсе — она пропала навсегда и, вероятно, для всех. Меня беспокоили серьги Раи, две красные точки, две раны в сознании: я думал — да нет, я был практически уверен — что подарил ей не гранат, а нечто совсем другое.

Изумрудные, кажется, они были, цвета Вены или вен.

Нет, но как она...

Я топал по переходу навстречу шумной станции, сопротивляясь ветру, который развеивал мой расстегнутый плащ и насквозь продувал дешевый фланелевый костюм, и отмечал, что вокруг *опять* становится все меньше и меньше людей: очевидно, одним надо было не в метро, других интересовали ларьки с «дешевыми и полезными» вещами, иные как будто бы растворялись в воздухе по распорядению чьей-то экономной фантазии. Справа, из стенки, выползла и включилась в гонку длинная, жирная многоножка, многоножка-переросток. Она ползла по прямой, шустро перебирая крохотными конечностями, поравнялась со мной и категорически не желала сворачивать или отставать. Она явно знала, куда ей надо, и отчаянно спешила. Смотря на нее, никак нельзя было исключить — кто их, многоножек, разберет? — что она погрязла в заботах.

Я мысленно пожелал ей удачи.